
Глория Голд
ПОВЕСТЬ О НЕНАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ
18+

Глория Голд

Повесть о ненастоящем человеке

«Автор»
2026

Голд Г.

Повесть о ненастоящем человеке / Г. Голд — «Автор», 2026

В городе Зальцбурген, больше похожем на незаживающую рану, художник Ганс теряет жену и нерождённого ребёнка. Его месть требует цены. Гномы-камнерезы высекают на его живом сердце руну, которая выжигает боль, оставляя лишь пустую целеустремлённость. Став «ненастоящим» человеком, он крушит империи своих врагов, но победа оказывается пирровой. Из тёмных уголков города выползают новые угрозы: призрачные драконы, высасывающие из людей время и память. Теперь Ганс уже не мститель, а вечный страж. Чтобы спасти то, что ещё можно спасти, ему придётся использовать последнее, что у него осталось: память о той самой любви, которую он пытался похоронить. Это история о долге, который тяжелее мести, и о том, что даже каменное сердце может стать щитом для чужой надежды.

© Голд Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1: Цикл скорби 5
Глава 1. Неспящие 5
Глава 2. Игра, где ставка – душа 10
Глава 3. Запах озона и старых костей 12
Глава 4. Тень в стеклянных глазах 14
Глава 5. Кукла с бьющимся сердцем 17
Глава 6. Анатомия бунта 19
Глава 7. Баллада о сломанной кукле 21
Глава 8. Собор из тишины и костей 23
Глава 9. Просьба о прощении 26
Глава 10. Рассвет для неспящих 28
Часть 2: Возвращение в себя 30
Глава 1. Кофе и чёрт 30
Глава 2. Протокол о намерениях 32
Глава 3. Танец с русалами 34
Глава 4. Бывшие искусительницы не сдаются в архив 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Глория Голд
Повесть о ненастоящем человеке

Часть 1: Цикл скорби

Глава 1. Неспящие

Он шёл вниз по скользкому, мокрому бульвару с издевательским названием «Санрайз». Пошатываясь, едва переставляя заплетающиеся от усталости и выпитого виски ноги, спотыкаясь почти на каждом шагу о булыжники мостовой. Куда и зачем он шёл, ведал один Бог или дьявол, а может, они оба.

Но он точно знал, что должен идти, несмотря ни на что. Дождь хлестал его по лицу мокрыми пощёчинами наотмашь. Ветер зло рвал плащ. Но он упорно продолжал свой путь по пустынным ночным улицам.

Неожиданно его внимание привлёк стройный женский силуэт. Молодая женщина в промокшем насквозь платье, стоя в телефонной будке, пыталась до кого-то дозвониться.

Увидев его, она закричала:

– Эй, вы! Есть монетка?

Он кивнул и торопливо начал рыться в карманах. Через несколько мгновений он победоносно вынул монету из кармана брюк и протянул ей.

– Благодарю, – крикнула она, пытаясь перекричать шум ветра и дождя.

Он махнул ей на прощание рукой и поплёлся дальше. От ледяного дождя он практически протрезвел и начал ощущать холод и голод.

Увидев неоновую вывеску бара, не раздумывая, зашёл внутрь.

В тусклом свете за столиками вдоль стен сидели несколько мужчин и женщин. Было поздно, разговоры затухали, посетители разбредались в ночи по своим норам. Завтра был рабочий день, им нужно было поспать хотя бы пару часов перед работой в офисах или других местах.

Он заказал двойной виски. В баре висел густой табачный дым – (действие происходило задолго до запрета курения в общественных местах).

Стеклянная дверь бара широко распахнулась, и внутрь влетела та самая девушка из телефонной будки.

Она испуганно захлопнула дверь и забаррикадировала её стулом.

Бармен вопросительно вскинул бровь, но ничего не сказал, только покачал головой.

– Помогите, – испуганно закричала девушка, обращаясь к сидящим в зале, – за мной гонятся.

– И кто же за тобой гонится, милая? – ласково спросил её толстяк, нехотя оторвавшись от своей кружки пива.

– Я не знаю, – смущаясь от всеобщего внимания, проговорила она.

– Как тебя понимать?! – переспросил её толстяк.

Наш загадочный герой, развернувшись вполоборота, наконец начал проявлять интерес к происходящему.

– Я пыталась дозвониться домой, чтобы кто-нибудь приехал и забрал меня отсюда, – как вдруг я ощутила на коже леденящий душу холод и увидела быстро приближающиеся тени. Я бросилась бежать и, увидев ваш бар, влетела внутрь.

– Как интересно, – с пьяной ухмылкой произнёс толстяк.

– Вижу, что мне здесь не верят, – раздражённо сказала девушка.

Бармен плеснул в стакан виски и пододвинул к ней.

– Вам лучше выпить это, иначе заболеете от переохлаждения.

Девушка молча кивнула и залпом осушила стакан.

– Вот это я понимаю, – воскликнул толстяк и театрально захлопал своими жирными руками.

Он поморщился и начал с интересом разглядывать девушку.

Она была достаточно высокой и стройной: большие карие глаза, длинные волосы, ресницы и ноги. Стандартный набор красотки из бульварного романа.

(Он, разумеется, тоже очень хорош собой и временно одинок, как, впрочем, и она).

Затянувшееся молчание в баре нарушил дикий вопль снаружи. У присутствующих кровь застыла в жилах, волосы встали дыбом. (Ну, ещё бы, кто бы не испугался на их месте).

– Что там происходит? – заикаясь, пробормотал толстяк.

Бармен криво усмехнулся и небрежно бросил:

– Неспящие вышли на охоту.

– А разве сегодня пятница тринадцатое? – с ужасом спросил толстяк.

Бармен молча указал ему на календарь, висевший над барной стойкой.

Толстяк побледнел и грязно выругался.

– Похоже, мы застряли здесь до рассвета, – процедил он сквозь зубы, – бармен, тащи ещё пива!

– Кто такие Неспящие? – нервно спросила девушка.

– Вампиры, оборотни, русалы и прочая нечисть, – спокойно протирая стакан, ответил ей бармен.

– Русалы? – удивлённо переспросила девушка.

– Мертвяки с жабьими лапами вместо ног, то ещё зрелище. Со спины, по пояс в воде, их не отличить от русалок, – нервно посмеиваясь, сказал толстяк.

– И чем же они опасны? – недоверчиво ухмыляясь, спросил он.

– А тем, что днём, в обычное время, они выглядят как обычные люди. И только в знаменательные даты, такие как пятница тринадцатое, Вальпургиева ночь, (не путать с Варфоломеевской), ночь на Ивана Купала и тому подобное, они принимают свой реальный жуткий облик и выходят на охоту на нас, жалких и слабых людишек.

– Всё это странно и нелепо звучит, – сказал он.

– А как же ты, мой дорогой друг, объяснишь тот жуткий вопль? – набросился на него толстяк.

Он пожал плечами.

– Просто кто-то чего-то сильно испугался, мало ли что померещится в ночи.

– Э, нет, слишком много странных событий происходит в нашем городе в указанные ранее даты.

– Совпадение, – продолжая настаивать на своём, сказал он.

Толстяк только махнул рукой, но предпочёл не продолжать дискуссию.

– Нам главное – отсидеться здесь эту ночь. Никого не выпускать, а главное – не впускать. Сейчас одиннадцать часов, до полуночи, а значит, до их апогея ещё целый час. Бармен, я всех угощаю! – пафосно закричал толстяк.

Бармен радостно заулыбался в предвкушении неплохой выручки.

Он повернулся к девушке и спросил её:

– Как такая приличная девушка, как вы, оказалась здесь одна в такое время?

– Приехала сюда с подругой, поссорились, и она уехала.

– Да уж, – протянул он, – женская дружба – вещь непредсказуемая.

Девушка только вздохнула и пристально посмотрела ему в глаза. (Спойлер: хэппи-энда не будет, читайте другие рассказы автора со счастливым концом.)

Он встал и направился в туалет. Захлопнул за собой дверь и застыл в задумчивости перед зеркалом. На него смотрел уставший, сильно потрёпанный жизнью мужчина средних лет. Всё ещё привлекательный, хотя и с потухшим взглядом (явно у мужика кризис среднего возраста).

Вдруг отражение начало расплываться, черты лица заострились, во взгляде промелькнуло нечто нечеловеческое.

– Ну вот, допился до чёртиков, – чертыхаясь, проговорил он с досадой.

– Вспомнишь чёрта… – кто-то сказал за его спиной и громко захохотал.

Он резко обернулся и увидел толстяка. Все его три подбородка и складки на талии и животе подпрыгивали в такт смеху.

Он брезгливо отшатнулся и зашёл в кабинку.

Толстяк обиженно хрюкнул, с трудом подавив смех. Запустил свои жирные пальцы под кепку и поскрёб ими голову.

– Почему ты каждый раз теряешь память, я не понимаю? – спросил он через дверь. – Что это за рецидивирующая амнезия такая?

– О чём это ты? – грубо спросил он, выйдя из кабинки и моя руки.

– Скоро и сам поймёшь, – буркнул толстяк и поспешил вернуться в зал.

Она стояла у музыкального автомата, пытаясь выбрать музыку под царившую в зале атмосферу.

Он тихо подошёл к ней и заглянул через плечо.

Она, словно почувствовав чьё-то присутствие, слегка откинула голову назад и посмотрела вверх. Их глаза встретились.

Он смущённо отвёл взгляд.

– Что выбрали? – тихо спросил он.

– Сейчас узнаете, – кокетливо ответила она.

Нажала на кнопку. Заиграла спокойная музыка. Запел глубокий мужской голос.

– Крис Айзек, отличный выбор! – широко улыбаясь, сказал он.

Она лишь тихо рассмеялась.

Он пригласил её на танец. Шум в зале стих. Все заворожённо следили за парой, вальсирующей по залу, украшенному в средневековом стиле. Роскошные деревянные балки, рыцарские доспехи, дамы и джентльмены на портретах. Как будто сейчас не 80-е годы XX века, а тёмные средневековые времена с их драконами, горгульями, вампирами, оборотнями и прочей нечистью.

Музыка заиграла быстрее. Их движения становились всё резче. Они уже кружились по залу в бешеном темпе, задевая и сбивая всё вокруг. Стулья, посуда со столов, бокалы и пивные кружки. Всё, до чего они касались, тут же вовлекалось в водоворот их танца дьявольской страсти и начинало кружиться с ними.

– Какого чёрта… – начал было толстяк.

Но тут большая стрелка на часах, висевших над барной стойкой, достигла роковой цифры 12, присоединившись к маленькой. Раздался первый бой часов. Маленькое окошко распахнулось, но оттуда вместо кукушки выпрыгнул тролль и заорал:

– Баах!

Толстяк начал смеяться – неистово и страшно. От дикого хохота у него покраснело лицо, а тело начало неестественно раздуваться. Кепка слетела с головы, и все увидели маленькие рожки, спрятанные среди кудрей.

Бармен, всё это время возившийся у стойки со стаканами спиной к посетителям, резко развернулся к ним лицом. Его зрачки не были больше человеческими, они стали кошачьими, а глаза – жёлтыми.

Люди, сидевшие вдоль стен, закричали, женщины низкой социальной ответственности завизжали. Все бросились к выходу. Но там их уже поджидали охранники-оборотни. Они хватали и разрывали на части каждого, кто пытался выбраться наружу.

Часть посетителей пыталась пробиться к окнам. Один из них швырнул стул, чтобы разбить окно, но бармен перехватил стул и, аккуратно поставив его на пол, спокойно сел на него.

А что же наша влюблённая парочка, спросите вы? Они в ужасе от происходящего застыли в центре зала, вцепившись друг в друга.

Выйдя из оцепенения, он схватил ножку от стола и загородил девушку собой.

– Ничего не бойся, ты со мной! – прокричал он и начал отбиваться от нечисти, которая атаковала их.

– Ганс, ну ты серьёзно? – воскликнул толстяк. – Каждый раз с тобой столько возни!

– Откуда ты знаешь моё имя? – пытаясь перекричать дикий шум, спросил наш герой.

– Ну, камон, Ганс! – простонал толстяк в театральном отчаянии.

Девушка стояла за ним смертельно бледная, не в состоянии вымолвить ни слова.

Толстяк неожиданно резво для своего веса вскочил и бросился на помощь охране и бармену. Через несколько минут всё было кончено. Никто из посетителей не выжил. Бармен и толстый красный чёрт вернулись на свои места.

– Плесни мне пенного, что-то я сильно умаялся сегодня.

Бармен, ухмыляясь, принёс ему пива.

– Тебе следует лучше следить за питанием и заняться спортом, – подмигнув, произнёс он.

– Да куда уж мне теперь, – отмахнулся чёрт. – Это для молодых. – Эй, не стойте вы там! – обратился он к девушке и Гансу, застывшим в центре зала.

Ганс взял девушку за руку, довёл до барной стойки и усадил на высокий стул, чудом уцелевший во всём этом местном апокалипсисе.

– Что с нами будет? – мрачно спросил бармена Ганс.

– То же, что и обычно, – злорадно встрял в разговор чёрт.

– Да что ты заладил, хватит уже говорить загадками! – накинулся на него Ганс.

– Изи, тайгэ! – чёрт сделал испуганное лицо, а потом мерзко захохотал.

Бармен вздохнул и произнёс:

– Ты обречён снова и снова спасать девушек, потому что не смог спасти Джулию. Умирая, она прокляла тебя.

И тут Ганс постепенно начал всё вспоминать. Как пытаясь сбежать из города одной поздней ночью, в сильный ливень, на них напали. Пока двое удерживали его, другие издевались над его девушкой, а затем пырнули её ножом. Она умирала у него на руках. Последними её словами были слова проклятия за то, что он не спас её и их нерождённого ребёнка.

– Ну, наконец-то! – воскликнул чёрт, следя за выражением лица Ганса. – Надеюсь, правила ты тоже вспомнил. А если нет, я тебе напомню, по старой дружбе. Вы должны до рассвета покинуть территорию бара.

Ганс в отчаянии взглянул на часы. У них оставалось менее часа до наступления рассвета. Он посмотрел на девушку; на удивление, та была очень спокойна. Она заботливо протёрла его лицо салфеткой и поцеловала.

– Всё будет хорошо, – прошептала она. – Ты же дал мне монетку, и я смогла дозвониться до небесной канцелярии. Там решили, что ты уже достаточно настрадался, и прекратили твои бесконечные мучения.

Она взяла его за руку и повела за собой к выходу.

– Эй, так не пойдёт! – возмущённо закричал чёрт.

Девушка только насмешливо посмотрела на него и ничего не сказала. Ганс безропотно следовал за ней.

Выход им преградили жуткие оборотни-охранники.

Девушка вытянула руку ладонью вперёд, и какая-то неведомая сила раскидала их, как щенков.

– Да чтоб меня! – воскликнул чёрт. – Это же сама Серафима! Передавай привет архангелу Гавриилу!

Серафима обернулась и снисходительно кивнула ему.

До рассвета оставались считанные минуты. Двери бара распахнулись сами собой, и, взявшись за руки, они с Гансом легко оттолкнулись от земли и взлетели вверх. Они пролетали над городом, и Ганс безропотно и без сожаления покидал это место боли, не осознавая и не зная, что ждёт его впереди, подчиняясь воле провидения.

Чёрт и бармен, стоя у входа в бар, молча провожали их взглядами. Чёрт смахнул скупую слезу, скатившуюся по его щеке. Бармен дружески похлопал его по спине и закрыл двери бара.

Глава 2. Игра, где ставка – душа

Они летели над спящим, точнее, притворяющимся спящим городом. Огни неоновых вывесок расплывались в дождевой пелене внизу, как акварельные кляксы. Ганс не чувствовал ни страха, ни ветра, бьющего в лицо. Только странное, щемящее чувство пустоты, будто кто-то выскоблил из него всё нутро, оставив лишь лёгкую, послушную оболочку. Рука Серафимы в его руке была твёрдой и прохладной, словно якорь в этом парящем небытии.

– Куда мы летим? – его голос прозвучал хрипло и неуверенно, будто он давно не пользовался им по назначению.

– Туда, где ангелы-клерки носят костюмы от «Бриони», а черти подают капучино, – ответила Серафима, и в её голосе звенела лёгкая насмешка. – В Небесную Канцелярию, милый. Ты же заслужил аудиенцию.

Впереди, разрезая тучи, возник силуэт небоскрёба. Он был до неприличия современным, стеклянным и холодным, и лишь на самой верхушке, вместо антенны, красовался старомодный флюгер в виде трубящего ангела. Они вплыли в открытое окно на одном из верхних этажей и мягко опустились на пол, устланный густым серым ковром.

Кабинет был огромен. За панелью из красного дерева сидел мужчина в безупречно сидящем костюме. Его лицо было настолько правильным и невыразительным, что его можно было забыть через секунду после того, как отведёшь взгляд. На табличке значилось: «Архангел Гавриил. Начальник отдела искупления и циклических наказаний».

– Серафима, – кивнул «архангел», его пальцы бесшумно застучали по клавиатуре невидимого компьютера. – И… субъект Ганс. Дело № 13-666. Цикл покаяния прерван досрочно. Основание?

– Милость свыше, – парировала Серафима, усаживаясь в кожаное кресло без приглашения. – Он искупил свою вину. Тысячи ночей, тысячи спасённых девушек. Пора бы и честь знать.

Гавриил поднял на неё взгляд. Его глаза были цвета промозглого ноябрьского неба.

– Милость – понятие не из нашего регламента. Цикл должен быть завершён. Последнее звено цепи. Девушка из бара… Она была не просто девушкой.

Внезапно дверь кабинета с шипением раздвинулась, и в помещение вкатилась знакомая тучная фигура. Толстяк-чёрт был без кепки, его рожки поблёскивали в свете неоновой лампы. Он тяжело дышал.

– Гавриил, старина, я всё слышал! – выдохнул он, вытирая пот со лба платком. – Так нельзя! Нарушаются все правила! Я подам апелляцию в нижестоящую инстанцию!

– В Адский Комитет по этике? – усмехнулся Гавриил. – Удачи, Вельзевул. Ваши жалобы там рассматривают столетиями.

– Его проклятие! – просипел Вельзевул, тыча пальцем в Ганса. – Оно действует, пока последняя спасённая им душа не обретёт покой! А эта… – он ядовито посмотрел на Серафиму, – …не из тех, кто ищет покой.

Серафима неожиданно рассмеялась.

– Он прав, Ганс. Была одна девушка в баре… Её зовут Лика. И она не просто жертва. Она – приманка. Для того, кто охотится на таких, как ты. Для того, кто коллекционирует проклятые души.

Ганс почувствовал, как по спине пробежал холодок. Обрывки воспоминаний всплывали в мозгу: тени в переулках, шёпот из канализационных стоков, вкус железа на языке в ночи перед нападением на него и Джулию.

– Кто? – спросил он, и его голос наконец приобрёл твёрдость.

– Его зовут Доктор Пожиратель, – ответил Гавриил, снова уткнувшись в монитор. – Некрономикон в кожаной обложке, гурман от скорби. Он питается болью таких, как ты. И он

уже почуял, что его любимое блюдо ускользает. Цикл прерван, но охота не окончена. Пока Пожиратель не уничтожен, ни одна из спасённых тобой душ не будет в безопасности. Включая ту, что стоит рядом с тобой.

Вельзевул злорадно ухмыльнулся.

– Вот видишь! Никакого хэппи-энда! Только квест! (Квест с кровью и диалогами в стиле Тарантино!)

Серафима встала. Её глаза горели знакомым Гансу холодным огнём.

– Значит, так и быть. Мы найдём этого «гурмана» и вставим ему его меню туда, куда не светит даже неоновый свет бульвара «Санрайз».

– «Мы»? – переспросил Ганс.

– Ты думал, я просто так прилетела по твою душу? – она взяла его под руку. – У меня к нему свои счёты. Он когда-то украл кое-что у меня. Рукопись. Очень ценную.

Гавриил вздохнул, как бухгалтер в конце квартала.

– Дело переквалифицировано. Цикл покаяния закрыт. Открыт контракт на устранение угрозы высшего уровня. Агенты: Ганс и Серафима. Контакты на земле: Вельзевул. Он знает подполье города.

– Что?! – взвыл чёрт. – Я что, похож на бесплатного гида по аду?!

– Ты похож на того, кто хочет избежать отчёта за несанкционированную организацию боёв без правил в своём баре, – холодно парировал Гавриил. – Это твой шанс.

Вельзевул мрачно буркнул что-то себе под нос, но смирился.

Они вышли из кабинета тем же путём – через окно. Город внизу встретил их воем сирен и рёвом моторов. Дождь кончился, и на мокром асфальте отражались кроваво-красные буквы вывесок.

– И куда теперь? – спросил Ганс, чувствуя, как в груди закипает что-то забытое – решимость.

– Туда, где пахнет старыми книгами, грехом и дорогим кофе, – сказала Серафима, указывая в сторону тёмного переулка, где висела вывеска в виде совы с полумесяцем. Кафе «У Последней Черты».

– Наш новый друг, – она кивнула на Вельзевула, пыхтящего позади, – должен знать там задний ход. Там нас будет ждать… специалист.

– Какой ещё специалист? – насторожился Ганс.

– Тот, кто знает о Пожирателе всё. Некромант на полставки и лучший бариста в городе. Его зовут Кай. Но все зовут его Кофейный Череп.

Ганс посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Он был мёртв, он был жив, он был проклят и внезапно свободен. Впереди была охота. И впервые за долгие годы это его не пугало.

Он шагнул вперёд, в глотку ночи, чувствуя на своём плече лёгкую, но твёрдую руку Серафимы. Игра только начиналась, и ставки были выше некуда.

Глава 3. Запах озона и старых костей

Бар «У проспавшего демона» погрузился в привычную для предрассветных часов гнетущую дремоту. Даже нечисть любила поспать. Вельзевул смотрел в кружку, делая вид, что весь поглощён пеной. Но его ухо дёргалось, улавливая каждый шорох. Он знал сидящую рядом Леру слишком хорошо. Бесёнок-искусительница третьего разряда, вечный вихрь из блёсток, едкой иронии и опасных сюрпризов.

– Ну что ты как ребёнок, – не унималась она, забрасывая ногу на ногу. Её туфля-лодочка покачивалась в такт какой-то внутренней мелодии. – Весь вечер испортить из-за какой-то… вознесённой особы. У неё крылья, Вельзевул! Белые! У тебя бы от них только изжога началась.

– Отстань, Лерка, – буркнул он, но в его голосе уже не было прежней обиды, лишь усталая покорность. – Ты бы лучше дело сказала. По пустякам ты по барам не летаешь.

Лера улыбнулась, как кошка, поймавшая не мышь, а целый сырный цех.

– Умный же ты, хоть и толстый. Дело есть. Слушай сюда.

Она наклонилась к нему, и от неё пахнуло озоновой свежестью после грозы и чем-то сладким, вроде жжёного сахара.

– По городу шепчутся. Твой бывший «подопечный» и его… спутница… ищут кое-кого. Того, кто ходит в заплесневелом фраке и пахнет старыми пергаментами и свежим горем.

Вельзевул насторожился, отодвинув кружку.

– Ну, и?

– И, похоже, они не знают, что у Доктора появился новый фаворит. Помощник. Мальчик на побегушках с глазами цвета мёртвого неба и очень острым скальпелем. Зовут его Аник.

– Откуда тебе это известно? – с подозрением спросил чёрт.

– О, милый, – Лера загадочно улыбнулась. – У меня есть свои источники. В основном – разбитые сердца, которые болтливее любого информатора. Суть в том, что твои герои идут вслепую. А этот Аник… Он не просто помощник. Он искусственный. Собран Пожирателем из лучших кусочков его жертв. И он идеально чувствует тех, кто болен тоской. А твой Ганс, если забыл, ходячая энциклопедия тоски.

Вельзевул мрачно задумался. Мысли в его голове двигались медленно, как его собственное тело, но верно. Серафима… она была сильна. Но она мыслила категориями вечных войн. А эта новая угроза пахла чем-то техногенным, чужеродным. Собранный человек? Это пахло кощунством даже по его, адским, меркам.

– И что ты предлагаешь? – спросил он, смотря на Леру с новым интересом.

– Предлагаю? Ничего, – она невинно всплеснула ресницами. – Я просто делюсь информацией. А уж ты, как их… гм… контакт на земле, решай, что с этим делать. Может, предупредишь. А может, и нет. Мне-то что? Мне просто скучно.

Она встала, поправила своё короткое платье.

– Ладно, я полетела. Ещё сердца разбивать. Удачи, толстяк. И перестань хандрить. От тебя негативом так и прёт, как от плохо заземлённой антенны.

Лера повернулась и вышла из бара, оставив за собой шлейф из смеси духов и запаха озона. Вельзевул смотрел ей вслед. Тоска по недостижимой Серафиме вдруг отступила, сменившись знакомым, едким чувством беспокойства.

Он тяжело вздохнул и поймал взгляд бармена.

– Слушай, а нету у нас тут чего-нибудь покрепче? – попросил он. – И… приготовь-ка мне сэндвич с салом. Похоже, предстоит долгая ночь.

А ночь уже спускалась на крыши города, в котором Ганс и Серафима искали свою цель. Кафе «У Последней Черты» оказалось не метафорой. Оно ютилось в узком переулке, куда даже

свет уличных фонарей падал с неохотой. Вывеска – та самая сова с полумесяцем – скрипела на ветру.

Внутри пахло кофе и пылью. Полки до потолка были забиты фолиантами в потрёпанных переплётах, а между столиками сновал худой парень с лицом аскета и горящими фанатичным блеском глазами. Это был Кай, он же Кофейный Череп.

– Серафима! – он встретил их как старых знакомых, хотя Ганс был уверен, что видит его впервые. – Американо с сиропом гроба? И для вашего спутника… мокко с ноткой забвения?

– Информация, Кай, – отрезала Серафима, опускаясь на стул. – Пожиратель. Где он?

Кай потёр переносицу.

– Он стал призраком. Перестал посещать привычные места. Библиотеки, морги, заброшенные оперные театры… Но у него появился протеже. Юноша по имени Аник. Он появляется там, где есть сильное, незаживающее горе. Как гриф. Или санитар. Он… собирает материал.

Внезапно Ганс почувствовал резкий, знакомый укол в виске. Перед глазами проплыл образ: тёмный переулок, крик Джулии, и чьё-то худое, бледное лицо, наблюдавшее из тени с холодным, научным интересом.

– Я… я видел его, – хрипло сказал Ганс. – В ту ночь. Он был там.

Кай мрачно кивнул.

– Вполне возможно. Пожиратель всегда отправлял своих слуг на разведку. Аник мог быть его глазами и ушами. Если вы хотите найти хозяина, найдите слугу. Ищите места, где боль свежа, как только что вскрытая могила.

В этот момент дверь в кафе со скрипом открылась, и на пороге возникла тучная, запыхавшаяся фигура.

– А я вас ищу! – просипел Вельзевул, держа в руке потрёпанный бумажный пакет, из которого пахло салом. – Чтоб вы провалились со своим квестом! Лера только что была у меня… – Он рассказал им Лерину информацию об Анике.

Серафима внимательно выслушала, и на её губах появилась тонкая улыбка.

– Искусственное создание? Собранный из частей?.. Это слабое место. У таких существ нет цельной души. Их держит только воля создателя. Разрушишь связь – и он рассыплется в прах.

Ганс смотрел в окно, на тёмный переулок. Где-то там бродил призрак его прошлого, собранный воедино в виде юноши с глазами мёртвого неба. Охота начиналась по-настоящему. И он был больше не жертвой. Он стал охотником.

Глава 4. Тень в стеклянных глазах

Информация, принесённая Вельзевулом, висела в воздухе кафе тягучим сладковатым ядом. «Искусственный. Собранный из частей». Эти слова отзывались в Гансе странным эхом – не памятью, а чем-то глубже, на уровне инстинкта. Будто кто-то провёл ледяным пальцем по шраму на душе.

– Слабые места есть у всех, – проговорил он, и его голос прозвучал чужим, слишком спокойным. – Даже у призраков. Особенно у тех, кого собрали по кусочкам. Должна быть точка сборки. Шов.

Серафима смотрела на него с нескрываемым интересом. В её глазах читалось одобрение – тот самый холодный блеск, который появляется у старого воина, когда новичок наконец-то понимает суть боя.

– Верно. И мы найдём этот шов. Но для этого его нужно выманить. Приманкой должна стать боль. Сильная, яркая, свежая. Та, на которую он приползёт, как муха на мёд.

Вельзевул мрачно хрюкнул, доедая свой сэндвич.

– Ну, с болью в этом городе проблем нет. Это как раз бесплатный ресурс. Вопрос – какую выбрать? И кто будет приманкой? Я, например, в жертвы не гожусь – у меня боль хроническая, гастритная, она никого не заинтересует.

– Приманкой буду я, – сказал Ганс.

Он не смотрел ни на кого, его взгляд был устремлён внутрь себя. Тысячи ночей, тысячи спасённых девушек… но он никогда не делал этого осознанно. Это был ритуал, проклятие, машина. Теперь же ему предстояло оседлать свою собственную тоску, сделать её оружием.

– Я – то, что ему нужно. Ходячий памятник скорби. Нужно просто… усилить сигнал.

Кай, Кофейный Череп, молча кивнул и скрылся за своей барной стойкой. Послышался стук ступки, запах горьких трав и чего-то металлического. Через минуту он вернулся с маленькой фарфоровой чашкой, в которой дымилась чёрная, как дёготь, жидкость.

– Концентрат. Одна капля – и ты будешь светиться в их спектре, как новогодняя ёлка. Но будь осторожен, Ганс. Это не метафора. Ты станешь маяком не только для него. Вся нечисть округи почует тебя.

– Я готов, – Ганс взял чашку. Его рука не дрожала.

Местом действия стал заброшенный мост через промышленный канал – то самое место, где Ганс когда-то свёл счёты с жизнью. Вода внизу была чёрной и маслянистой, отражая ржавые балки и тусклый свет далёкого фонаря. Идеальная сцена для трагедии.

Ганс стоял у перил, спиной к ветру. Он выпил зелье Кая. Сначала ничего не произошло. А потом… мир изменился. Краски потускнели, звуки отступили. Зато он почувствовал каждый камень под ногами, каждый след отчаяния, впитавшийся в металл моста. И свою собственную боль – она поднялась из глубины, живая, дымящаяся рана. Он светился изнутри ледяным, фосфоресцирующим светом скорби.

Серафима и Вельзевул наблюдали из тени арочной опоры.

– Бр-р-р, – поёжился черт. – Мне аж тошно стало. Как будто я съел просроченный ангельский нимб.

– Тише, – приказала Серафима, не сводя глаз с Ганса. Её пальцы сжимали складки плаща.

Он пришёл не сразу. Сначала на мосту появились тени – бледные, размытые призраки самоубийц, привлечённые сиянием чужого горя. Они бесцельно кружили вокруг Ганса, словно мотыльки вокруг огня. Он игнорировал их.

И тогда из-за груды ржавых бочек вышел он. Аник.

Он был худым, почти прозрачным юношей в длинном пальто, слишком большом для него. Его лицо было красивым и абсолютно пустым, а глаза… глаза были как у куклы – стеклянные, не отражающие ничего. Но в них читался ненасытный, холодный интерес.

– Вы звали? – голос у Аника был мягким, без интонаций, как голос аудиогида.

Ганс медленно повернулся к нему.

– Я не звал. Я светил. И ты пришёл.

– Да, – просто согласился Аник. Он подошёл ближе, его взгляд скользил по Гансу, будто сканер, считывая данные.

– Ваш паттерн горя… он уникален. Многослойный. Старая боль, приглушённая новой. Доктор будет очень заинтересован.

– Где твой Доктор? – спросил Ганс, делая шаг вперёд.

Аник склонил голову набок, словно птица.

– Он везде. И нигде. Он наблюдает. А я… собираю. Ваша боль – редкий экземпляр. Почти вымерший вид.

В тот момент Ганс почувствовал нечто новое. Сквозь туман собственной тоски до него донеслось другое чувство – исходящее от Аника. Это не была боль. Это была… пустота. Абсолютная, космическая пустота. И в центре этой пустоты – тонкая, как паутина, нить, уходящая в темноту. Тот самый шов. Точка сборки.

– Он тебя не отпускает, да? – тихо сказал Ганс. – Ты и хочешь бы чувствовать, но не можешь. Потому что ты не целый.

На лице Аника впервые промелькнула тень эмоции. Что-то вроде смутного беспокойства.

– Я совершенен. Я создан для цели.

– Тебя создали из обрывков, – продолжал Ганс, наступая. Его собственное страдание стало щитом и мечом. – Ты собран из чужих воспоминаний, как Франкенштейн из мяса. И ты ненавидишь его за это. Глубоко внутри. Ты ненавидишь своего создателя.

Стеклянные глаза Аника сузились.

– Вы ничего не понимаете. Я – прогресс. Я – следующий шаг.

Он резко рванулся вперёд, и из рукава его пальца выскользнул длинный, тонкий скальпель, сверкавший в темноте фосфоресцирующим светом. Но Ганс был готов. Годы беспамятных скитаний отточили его рефлексы. Он уклонился от удара и схватил Аника за запястье. Кожа под его пальцами была холодной и неестественно гладкой, как пластик.

– Шов, – прошептал Ганс, глядя ему в глаза. – Я вижу его. Он на шее, под левым ухом.

Ужас, настоящий, животный ужас, исказил наконец маску Аника. Он зашипел, пытаясь вырваться, но Ганс не отпускал. В этот момент из тени вышла Серафима. В её руке вспыхнул бледный свет.

– Довольно игр, – сказала она. – Пора возвращаться к хозяину. С пустыми руками. И с новостью, что его творение имеет изъян.

Она не стала наносить удар. Она просто провела рукой по воздуху перед лицом Аника, и в его стеклянных глазах поползли трещины – не физические, а ментальные. Иллюзия его собственного совершенства дала сбой.

С диким, нечеловеческим воплем Аник вырвался, отшатнулся и, спотыкаясь, побежал прочь по мосту, растворяясь в темноте.

Ганс тяжело дышал, чувствуя, как адское свечение внутри него медленно угасает.

– Он побежит к нему, – проговорил он. – Мы нашли нить.

Серафима подошла к нему и молча положила руку ему на плечо. В её прикосновении была не похвала, а признание. Равный равному.

Вельзевул выполз из укрытия, бледный как полотно.

– Ну вы даёте! Что это было вообще?! Он же сейчас весь город поднимет!

– Именно на это и расчёт, – холодно ответила Серафима, глядя в ту сторону, где скрылся Аник. – Теперь охотник станет добычей. И не гневаться будет Пожиратель. Бояться. Потому что мы тронули его самое дорогое творение. И показали ему, что оно – несовершенно.

Внизу, под мостом, чёрная вода канала плескалась о бетонные сваи, словно вторя её словам. Игра входила в решающую стадию.

Глава 5. Кукла с бьющимся сердцем

Аник бежал. Он не чувствовал под ногами шероховатого асфальта, не слышал воя ветра в ушах. Единственным ощущением был ледяной ком паники, застрявший в горле, и тонкий, визжащий звук – будто лопался перегретый провод. Это трещала его собственная психика, его безупречная программа, в которую вписали фатальную ошибку.

«Ты ненавидишь своего создателя»

Слова Ганса звенели в его памяти, как навязчивый мотив. Он не понимал ненависти. Доктор Пожиратель дал ему форму, цель, существование. Но сейчас, впервые, он почувствовал нечто иное – жгучую потребность доказать свою незаменимость. Не из страха наказания, а из-за нового, странного чувства – стыда за свою уязвимость.

Он прибежал в лоно города – заброшенную станцию метро «Постскриптум», что находилась глубоко под землёй, в месте, которого не было на официальных картах. Воздух здесь пах сыростью, ржавчиной и формальдегидом. В центре зала, освещённого тусклым светом керосиновых ламп, стоял Доктор.

Пожиратель был высок и худ до неестественности. Его длинные пальцы, похожие на бледных пауков, перебирали страницы книги, сшитой из кожи. На его лице – маске из воска и благородной седины – застыла вечная гримаса лёгкой задумчивости.

– Аник, – его голос был шелестом сухих листьев. – Ты вернулся. С пустыми руками. И с… испорченной оптикой.

Доктор поднял голову, и его глаза – два глубоких колодца, ведущие в никуда – уставились на юношу. Аник замер, чувствуя, как под этим взглядом трещины на его душе расширяются.

– Они… Они знали, – выдохнул Аник, его безэмоциональный голос дал трещину. – Они сказали… что я ненавижу тебя.

Пожиратель медленно отложил книгу.

– Интересно. Они пытаются играть в психоанализ с существом, у которого нет психики в их жалком понимании. Ты – инструмент, Аник. Искусный, тонкий. Но если инструмент затупился… его либо точат, либо выбрасывают.

Он сделал шаг вперёд. Аник невольно отпрянул.

– Я не затупился! – в его голосе впервые прозвучали нотки отчаяния. – Я могу исправиться! Дай мне ещё один шанс! Я принесу тебе его боль, я вырежу её живьём!

– Они уже сыграли на твоей уязвимости, мой мальчик, – Пожиратель покачал головой с видом разочарованного хирурга. – Ты стал предсказуем. А предсказуемый инструмент опасен для своего владельца.

Длинные пальцы Доктора потянулись к полке, где среди хирургических инструментов лежал новый, сияющий скальпель. В глазах Аника вспыхнул животный, неосознанный ужас. Не страх смерти – страх небытия, разборки на запчасти.

И в этот миг из тени, из-за груды ящиков с заспиртованными органами, раздался насмешливый, знакомый голос.

– Ну вот, как я и предполагал. Тирания творца. «Не оправдал – на свалку». Предсказуемо, доктор. Очень предсказуемо.

На свет вышел Вельзевул. Он нервно поправлял галстук-бабочку, который почему-то был на нём поверх засаленной майки.

– Мы, кстати, не одни. – Он кивнул в сторону входа.

В проёме стояли Ганс и Серафима. Они не нападали. Они просто наблюдали, создавая невыносимое давление.

Пожиратель замер, его восковое лицо исказила гримаса ярости.

– Вы осмелились войти в моё святилище?

– Святилище? – фыркнула Серафима, окидывая взглядом мрачное подземелье. – Похоже на склад медицинских отходов. Мы пришли не за тобой, доктор. Мы пришли за правдой. За той рукописью, что ты украл у меня.

Пожиратель усмехнулся.

– О, эта старинная безделушка о природе скорби? Я нашёл ей гораздо лучшее применение. – Он указал на Аника. – Он – её воплощение. Ходячая теория, облечённая в плоть!

Ганс смотрел на Аника. И видел в его стеклянных глазах уже не пустоту, а бурю – смятение, страх, зарождающееся семя настоящей, не сконструированной ненависти к тому, кто его создал и теперь хотел уничтожить.

– Ты ошибся, доктор, – тихо сказал Ганс. – Ты хотел создать идеального сборщика горя. А создал того, кто сам способен его испытывать. Посмотри на него. Он боится. Он предаёт тебя. Не мыслями. Инстинктами.

Аник медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по лицу Пожирателя, потом по блестящему скальпелю в его руке. И в его кукольных чертах что-то надломилось.

– Нет… – прошептал он. – Я… я не хочу…

Это был первый в его жизни самостоятельный выбор.

Пожиратель понял все без слов. Его лицо исказилось бешенством.

– Значит, так. Мусор будет выброшен вместе с теми, кто пришёл за ним!

Он взмахнул рукой, и из тёмных углов станции на свет выползли тени – бледные, обезличенные создания, его прежние «неудачные» эксперименты. Но было уже поздно.

Сцена была готова для финального акта. И главную роль в нём предстояло сыграть не охотникам и не жертве, а кукле, у которой внезапно забилось сердце.

Глава 6. Анатомия бунта

Секунда растянулась в вечность. Бледные тени-зомби, порождения неудачных опытов Пожирателя, выползали из тьмы, шелестя своими полуразложившимися бинтами по бетонному полу. Их пустые глазницы были устремлены на Ганса и Серафиму. Но ни один из них не смотрел на Аника. Он был для них своим, такой же частью коллекции.

И именно это стало последней каплей.

Пожиратель, с скальпелем в руке, сделал шаг к Анику, его взгляд был холоден и решителен.

«Инструмент подлежит утилизации»

– Нет.

Слово было сказано тихим, хриплым голосом, будто механизмом, давно не знавшим смазки. Его произнёс Аник. Его стеклянные глаза, в которых всего несколько минут назад плескался только ужас, теперь метали молнии. Не сконструированной ярости, а дикой, животной, рождённой инстинктом самосохранения.

Он не стал бросаться на Доктора. Вместо этого он резко повернулся к тварям и издал короткий, высокочастотный звук, неслышный для человеческого уха. Тени замерли на месте, их повиновение хозяину столкнулось с новой, более древней командой, исходящей от того, кого они считали «старшим братом».

– Что ты делаешь?! – прохрипел Пожиратель. В его голосе впервые зазвучало нечто большее, чем холодная ярость – изумление. Его творение вышло из-под контроля.

– Я не инструмент, – голос Аника набирал силу, обретая странные, чужие обертоны – голоса тех, чьи частицы пошли на его создание. – Я – их боль. И моя собственная. И я не дам тебе её забрать.

Вельзевул, прижавшийся к стене, выдавил из себя:

– Ну наконец-то! Драма! Я обожаю драму!

Серафима молча наблюдала, оценивая ситуацию. Её план работал, но с непредсказуемыми последствиями. Разрушенная кукла оказалась опаснее, чем целая.

Ганс же смотрел на Аника и видел в нём себя – того, кем он был все эти годы: марионетку, разрываемую чужим проклятием. Только сейчас он обрёл свободу. И теперь то же самое происходило на его глазах.

Пожиратель, видя, что его армия парализована, с рыком бросился на Аника сам. Его движения были резкими, точными, движения хирурга, привыкшего рассекать плоть. Но Аник знал каждую его уловку. Он был создан этим человеком. Он уворачивался от ударов скальпеля с нечеловеческой пластичностью, его тело изгибалось, как у змеи.

– Он знает все его ходы! – воскликнул Ганс.

– И Доктор знает все его слабости, – мрачно парировала Серафима. – Это патовая ситуация.

Так и было. Они кружились в смертельном танце создателя и творения, зеркально отражая движения друг друга. Никто не мог одержать верх.

И тут Вельзевул, к всеобщему удивлению, решил внести свою лепту. Он не полез в драку. Вместо этого он, кряхтя, подобрал с пола увесистый том из библиотеки Пожирателя – «Трактат о меланхолии XVII века» – и изо всех сил швырнул его в керосиновую лампу.

Стекло разбилось, горящая жидкость разлилась по столу, уставленному бумагами и склянками. Огонь с сухим треском побежал по страницам древних фолиантов, облизывая языками пламени пробирки с реактивами.

– Поджог! Классика! – с восторгом прокричал чёрт.

Ослеплённый яростью и дымом, Пожиратель на мгновение отвлёкся. Этого мгновения хватило Анику.

Он не стал наносить смертельный удар. Вместо этого он рванулся к железному шкафу в углу пещеры и, выдернув его дверцу, извлёк оттуда старую, потёртую тетрадь в кожаном переплёте.

– Рукопись! – узнала её Серафима.

Аник, прижимая находку к груди, отступил в тень, к груде ящиков. Его глаза встретились с глазами Ганса. В них не было благодарности. Было понимание. Они были по разные стороны баррикады, но на мгновение стали союзниками против общего тирана.

Пожиратель, отбиваясь от языков пламени, обернулся и увидел, что его главное сокровище украдено. По его восковому лицу поползли трещины, обнажая нечто чёрное и пульсирующее.

– НЕЕЕЕТ! – его крик был полон такой подлинной, неконтролируемой агонии, что даже тени-зомби попятились.

Он был побеждён. Не силой, не магией, а бунтом собственного творения и банальным поджогом.

– Пора уходить, – сказала Серафима, хватая Ганса за руку. Огонь пожирал лабораторию, а из глубины тоннелей уже доносился нарастающий гул – возможно, поезд-призрак, а может, нечто худшее.

Аник, держа рукопись, последний раз взглянул на своего бывшего создателя, превратившегося в обезумевшее от ярости существо в кольце огня, и скрылся в тёмном проёме одного из тоннелей.

Вельзевул, откашлявшись от дыма, подбежал к ним.

– Ну что, побежали? Я, кажется, знаю, где здесь выход. Или не знаю. Но попробовать стоит!

Группа рванула прочь от горящего святилища Пожирателя. Они не убили его. Они отняли у него нечто большее – его работу, его гордость и его совершенное творение. И оставили его гореть в аду, который он сам для себя создал.

Бегство по тёмным тоннелям было стремительным и пугающим. Но Ганс чувствовал не страх, а странное опустошение. Они выиграли битву. Но что они выпустили на волю, позволив сбежать Анику с рукописью? И какую цену придётся заплатить за эту победу?

Пока у него не было ответов. Была только бегущая вперёд по рельсам тень и крепко сжатая рука Серафимы в его руке.

Глава 7. Баллада о сломанной кукле

Тоннель был похож на глотку спящего чудовища – мокрый, склизкий, пахнущий ржавчиной и страхом. Они бежали, не разбирая дороги, под ногами хрустели кости и битое стекло. Вельзевул пыхтел сзади, его «спортивная форма» давала о себе знать.

– Эй, а куда мы, собственно, бежим? – выдохнул он, спотыкаясь о шпалу. – От того, что не знаешь, куда бежишь, можно прибежать куда не надо!

– Бежим от огня и сумасшедшего ученого! – бросила через плечо Серафима. – Пока хватит и этого!

Наконец, впереди забрезжил свет – не ясный дневной, а тусклое, желтоватое оосвещение подземного перехода. Они выскочили в знакомый до тошноты мир: обшарпанные стены, заляпанные граффити, запах мочи и жареных каштанов от уличного ларька где-то наверху. Они были на станции «Речной вокзал», самой унылой и продуваемой ветрами точке города.

Ганс прислонился к холодной кафельной плитке, пытаясь перевести дух. В ушах ещё стоял оглушительный рев пламени и тот последний, нечеловеческий крик Пожирателя.

– Он выжил, – сказал Ганс, не глядя ни на кого. – Такие не умирают просто так.

– Возможно, – Серафима высвободила свою руку из его пальцев. Её взгляд был сосредоточен и остёр. – Но он потерял главное. И рукопись, и свой шедевр. Теперь он опасен по-другому – как раненый зверь. Но это проблема второго плана.

– А какая первого? – хрипло спросил Ганс.

– Аник, – просто ответила она. – Кукла с украденной душой и книгой, в которой, не сомневаюсь, заключены куда более страшные секреты, чем искусство сборки гомункулов. Мы не можем позволить ему ими воспользоваться.

Вельзевул, отдышавшись, полез в карман за сигаретой.

– А может, ну его? Мальчик сам по себе, доктор сам по себе. Пусть друг друга едят. А мы с вами пойдем в кабак, я тебя угощу, Ганс, ты герой! Почти как я!

Серафима посмотрела на него так, что чёрт невольно попятился и уронил зажигалку.

– Эта «кукла» только что получила доступ к знаниям, которые могут перевернуть баланс между всеми мирами. Она не будет их «есть». Она будет их читать. И применять. И мы не знаем, что вырастет из семени боли, ненависти и абсолютной власти.

Ганс закрыл глаза. Внутри всё ещё гудела та самая боль, которую он использовал как приманку. Но теперь к ней добавилось что-то новое – тяжелое, как свинец. Ответственность. Это они, он и Серафима, разбудили этого монстра. Они должны были его остановить.

– Как его найти? – тихо спросил он. – Он теперь будет прятаться лучше, чем Пожиратель.

– Он будет искать место, где можно читать, – сказала Серафима. – Но не библиотеку. Ему нужна тишина. И одиночество. И связь с тем, что он есть. С болью.

Ганс вдруг выпрямился. В его памяти всплыл образ – не его, а чужой, будто подсказанный извне. Высокий заброшенный собор на окраине города, который стоял на костях древнего кладбища. Место, где боль была впитана в самые камни.

– Я знаю, – сказал он. – Я… чувствую.

Серафима снова посмотрела на него с тем странным одобрением.

– Связь донора и реципиента. Он взял часть твоей боли, Ганс. И теперь ты можешь идти по следу. Как гончая.

– Ой, как романтично, – фыркнул Вельзевул, наконец-то закурив. – Гончая и его прекрасная охотница. А я? Я что, такси ждать буду?

– Ты, – Серафима повернулась к нему, – пойдешь наверх. Найди Кая. Скажи ему, чтобы приготовил самое крепкое зелье, какое у него есть. Не для приманки. Для боя. Потому что следующая встреча будет последней. Для кого-то из нас.

Вельзевул мрачно кивнул, поняв, что отнекиваться бесполезно, и побрёл к выходу на улицу, коварно оставляя за собой шлейф дешёвого табачного дыма.

Ганс и Серафима остались одни в подземном переходе. Мимо них проходили ночные пассажиры – пьяницы, бродяги, парочки в поисках уединения. Никто не смотрел на них. Они были просто частью пейзажа.

– Ты готов? – спросила Серафима, глядя на него своими пронзительными глазами. – Он уже не тот несчастный мальчик. Он – бомба с часовым механизмом.

Ганс посмотрел на свои руки. Они снова не дрожали.

– Я был мертв долгие годы. Все, что происходит сейчас – уже бонус. Да, я готов.

Он почувствовал тонкую, как паутина, нить, тянущуюся куда-то вглубь города. Нить, сотканную из его собственной тоски. Аник ждал. И они шли к нему.

Тень над городом сгущалась, и на этот раз источником её был не древний злодей, а юноша с лицом куклы и сердцем, в котором билась чужая, невыносимая боль. Игра приближалась к развязке.

Глава 8. Собор из тишины и костей

Нить боли вела их на восток, к промышленной окраине, где угасали последние огни цивилизации и начиналось царство забвения. Воздух здесь был густым, пропитанным кислотной пылью и запахом медленного распада.

И вот он, собор. Не готический исполин, а нечто более приземистое и зловещее – бывший заводской цех, чьи стены из красного кирпича почернели от времени и копоти. Окна были зияющими провалами, а вместо шпиля торчал ржавый каркас трубы, упирающийся в низкое, свинцовое небо. Местные называли это место «Костёлом», и не из-за святости, а потому что он стоял на старом чумном кладбище. Земля здесь была мягкой, податливой и знала вкус смерти.

– Он здесь, – тихо сказал Ганс, останавливаясь у массивных, сорванных с петель ворот. Та самая нить, что тянулась в его сознании, обрывалась где-то внутри. – Читает.

Серафима кивнула, её лицо было напряжено. Она чувствовала не только боль, но и мощный, нарастающий поток магии, исходящий из здания. Древние знания из рукописи начинали оживать в руках нового владельца.

– Он не просто прячется. Он… эволюционирует, – прошептала она. – Будь готов ко всему.

Они вошли внутрь. Пространство цеха было огромным и пустым. Гигантские станки, похожие на скелеты доисторических чудовищ, застыли в немом крике. В центре, под самым куполом, где когда-то висел кран, падал с огромной высоты тонкий луч лунного света, пробивавшийся сквозь дыру в крыше. В этом луче, сидя на груде старых промышленных барабанов, как на троне, был Аник.

Он не выглядел испуганным или растерянным. Он выглядел… сосредоточенным. Открытая рукопись лежала у него на коленях, а его пальцы медленно водили по древним символам, будто считывая информацию на тактильном уровне. Его стеклянные глаза были закрыты.

– Он не читает глазами, – поняла Серафима. – Впитывает знание напрямую, как губка.

Вдруг Аник поднял голову. Его глаза открылись. И в них больше не было пустоты. Теперь в них бушевала целая вселенная – хаотичная, полная чужих воспоминаний, обид, страданий и только что обретённой, невероятной силы.

– Ганс. Серафима, – его голос звучал уже иначе. В нём появились глубина и резонанс, будто говорил не один человек, а хор. – Я ждал вас. Вы – часть уравнения. Ключевая переменная.

– Аник, отдай книгу, – сказала Серафима, делая шаг вперёд. Её руки были сжаты в кулаки, по ладоням пробегали бледные искры магии. – Тебе не справиться с этой силой. Она сожжёт тебя изнутри.

– Сожжёт? – Аник улыбнулся, и это была самая жуткая улыбка, которую они когда-либо видели. – Она уже жжёт. Но это приятное тепло. Как первый глоток виски после долгой зимы. Я наконец-то понимаю, кто я.

– И кто же? – спросил Ганс, чувствуя, как знакомая тоска внутри него отзывается на зов Аника.

– Я – квинтэссенция, – просто сказал Аник. – Сумма всех болей, которые собрал Доктор. Я – плавильный тигель. И эта книга… Она дала мне формулу. Не чтобы быть чьим-то инструментом. А чтобы создать новый мир. Мир, где боль – не наказание, а основа мироздания. Энергия. Валюта.

Он медленно поднялся. Воздух вокруг него задрожал, заколебался. Тени от станков ожили и поползли по стенам, принимая уродливые, изломанные формы.

– Он потерял рассудок, – констатировала Серафима. – Знания рукописи свели его с ума.

– Нет, – возразил Аник, словно услышав её. – Я обрёл его. И я благодарен вам. Вы освободили меня. Теперь я сделаю то же самое для вас. Я освобожу вас от вашей боли, Ганс. Заберу её. Всю. До последней капли. И она станет топливом для моего нового начала.

Ганс почувствовал ледяную хватку на своей душе. Это была не метафора. Невидимые щупальца силы Аника впивались в него, пытаясь вытянуть наружу все, что делало его Гансом – всю скорбь по Джулии, все отчаяние, все годы страданий.

– Нет! – крикнул он, падая на колени. Это было больнее, чем любая физическая пытка.

Серафима бросилась между ними, подняв руки. Защитный барьер из бледного света вспыхнул в воздухе, но под напором силы Аника он тут же затрещал.

– Ты не понимаешь, что творишь! – крикнула она ему. – Ты уничтожишь его!

– Я освобожу его! – голос Аника гремел под сводами цеха. – Освобожу от бремени! А потом… Потом освобожу и весь этот город. Превращу его в идеальный мир. В мир без иллюзий счастья. В мир чистой, прекрасной, животворящей боли!

В этот момент с грохотом распахнулись вторые ворота цеха. На пороге, запыхавшийся и злой, стоял Вельзевул. В одной руке он держал дымящийся термос, в другой – увесистый молоток, позаимствованный бог знает где.

– Держите! Горячительный коктейль от Кая! – проревел он, швыряя термос в сторону Серафима. – А это… Это лично от меня!

И он изо всех сил запустил молоток в Аника.

Это была не атака, способная нанести вред, но идеальная диверсия. Молоток, пролетев через луч света, врезался в груду барабанов рядом с Аником. Металл загремел, рукопись подпрыгнула и упала на пол. Концентрация Аника на мгновение дрогнула.

Этой секунды хватило Серафима. Она поймала термос, открутила крышку и выпила зелье залпом. Её глаза вспыхнули ослепительно-белым светом.

– Ганс! – крикнула она. – Его сердце! Шов! Это не метафора! Это – физический артефакт, ядро, которое вшил в него Пожиратель! Найди его!

Ганс, освободившись от ледяной хватки, поднял голову. Его взгляд встретился с взглядом Аника. И в этом взгляде он увидел не вселенскую боль, а крошечную, испуганную точку – ту самую, что была в телефонной будке, в баре, в глазах того, кто боится быть разобранным на запчасти.

И Ганс понял. Он не должен был забрать свою боль. Он должен был вернуть Анику его собственную. Не сумму чужих страданий, а его личный, единственный и самый главный страх.

– Ты боишься быть никем, – тихо, но четко сказал Ганс, поднимаясь на ноги. Он не шёл на Аника. Он просто стоял.

– Ты боишься, что если я заберу свою боль обратно, ты снова станешь пустотой. Игрушкой.

Аник замер. Его уверенность дала трещину. В его глазах мелькнула паника.

– Нет… Я… Я больше, чем это…

– Нет, – мягко, почти по-отечески, сказал Ганс. – Ты – мальчик, который боится темноты. И это нормально. Это и делает тебя живым.

Он протянул руку. Не для атаки. А для того, чтобы принять обратно то, что ему принадлежало. Свою боль. Свою историю. Свою жизнь.

И Аник, сражённый этой простой, человеческой правдой, отступил. Монстр исчез, и на его месте снова стоял потерянный, напуганный юноша.

В этот момент Серафима нанесла удар. Но не по Анику. Светящимся клинком своей воли она рассекла воздух и подцепила лежащую на полу рукопись, швырнув её к Вельзевулу.

– Уноси! – скомандовала она.

Чёрт, недолго думая, схватил книгу и пустился наутёк.

Битва была выиграна. Но война за душу Аника только начиналась. Ганс стоял перед ним, глядя в глаза тому, кто был и монстром, и жертвой, и его собственным отражением. Что делать с сломанной куклой, у которой вдруг забилось сердце? Ответа у него не было.

Глава 9. Просьба о прощении

Тишина в цеху повисла густая, звенящая, как натянутая струна. Сила, вырывавшаяся из Аника, исчезла так же внезапно, как и появилась. Тени замерли, воздух перестал дрожать. Он стоял, ссутулившись, и смотрел на свои руки – пустые. Без книги. Без власти. Без чужой боли, которая делала его сильным.

Ганс не нападал. Он просто ждал, его собственная, возвращённая тоска была тяжёлым, но знакомым грузом за плечами. Он смотрел на Аника и видел не монстра, а результат. Результат жестокости Пожирателя и их собственного вмешательства.

– Что… Что теперь? – голос Аника был снова тихим, детским, без прежнего многоголосого эха. – Вы убьёте меня?

Серафима медленно опустила руки. Белый свет в её глазах угас, сменившись усталой серьёзностью.

– Убийство – слишком простое решение. И слишком милосердное для того, что ты чуть не совершил.

– Я не хотел… – начал Аник и замолчал, понимая ложь этих слов. Он хотел. Хотел власти, смысла, освобождения от собственной пустоты.

– Хотел, – жёстко парировала Серафима. – И это не оправдание. Но это – объяснение.

В этот момент снаружи донёсся шум – визг тормозов, приглушённые крики и радостный, пьяный голос Вельзевула: «Кыш, кыш, проходите, граждане, ничего интересного!»

Серафима вздохнула.

– Нас ждут. Городские службы уже в пути. Или что-то похуже.

Ганс не сводил глаз с Аника. Воспоминания душили его: Джулия, последний взгляд, полный укора, годы бессмысленного искупления. Он видел в этом юноше того, кем мог бы стать сам, окажись в лапах такого существа, как Пожиратель. Не монстром. Орудием.

– Иди, – тихо сказал Ганс.

Аник и Серафима удивлённо посмотрели на него.

– Что? – не поняла Серафима.

– Иди, – повторил Ганс, обращаясь только к Анику. – Ты свободен. По-настоящему. Не от боли, а от того, кто тебе её навязал. Теперь твой выбор – что с ней делать. Стать тем, кем ты был? Или… попробовать стать кем-то другим.

– Ганс, это безумие! – воскликнула Серафима. – Он слишком опасен! Он – ходячая бомба!

– Как и я, – сказал и посмотрел на неё Ганс. – Как и ты. Мы все здесь опасны. Но кто-то должен дать ему шанс. Мне его дали.

Аник смотрел на Ганса с немым потрясением. В его стеклянных глазах что-то сломалось, растаяло. По щеке медленно скатилась слеза. Первая. Настоящая. Не от чужой боли, а от своей собственной. От жалости к самому себе, от страха перед будущим и от странной, непонятной надежды.

– Я… Я не знаю, как, – прошептал он.

– Никто не знает, – сказал Ганс. – Учись. Иди. Пока не передумали.

Аник медленно, неуверенно сделал шаг назад, потом другой. Он посмотрел на них – на воина с потухшим взглядом и на женщину с крыльями за спиной – и кивнул. Не в благодарность. В признание. Потом развернулся и побежал, скрываясь в тёмном лабиринте станков, растворяясь в предрассветных сумерках, наползавших на цех.

Серафима долго смотрела ему вслед, потом перевела взгляд на Ганса.

– Это был либо самый гуманный поступок в твоей жизни, либо самая большая ошибка в нашей.

– В моей жизни ошибок и так было предостаточно, – устало ответил Ганс. – Пусть это будет что-то другое.

В дверях появился запыхавшийся Вельзевул, сжимающий в объятиях рукопись.

– Ну, вы там закончили с сеансом групповой терапии? А то тут толпа зевак собралась, и пахнет жареным. В смысле, пожарные на подходе. Бежим, пока нас не попросили дать показания!

Они вышли из «Костёла» с другой стороны, скользнув в узкий проулок, как тени. Рассвет только-только начинал размывать черную краску ночи. Город просыпался, не подозревая, как близко он оказался к тому, чтобы стать «идеальным миром» чистой боли.

Ганс шёл, глядя под ноги. Он не чувствовал победы. Он чувствовал пустоту. Но это была другая пустота – не выжженная отчаянием, а скорее… чистая. Как чистый лист. Страшная и полная возможностей.

Серафима шла рядом, её плечо иногда касалось его плеча.

Вельзевул простонал:

– Мне бы пивка после такого стресса…

Они шли по пустынным утренним улицам, три фигуры, странная компания: искупивший вину грешник, ангел и мелкий бес. История одного проклятия закончилась. Но другая история только начиналась.

Глава 10. Рассвет для неспящих

Небесная Канцелярия встретила их всё тем же стерильным блеском и тишиной, нарушаемой лишь тиканьем невидимых часов. Архангел Гавриил сидел за своим столом, и выражение его лица оставалось абсолютно невозмутимым, когда Вельзевул с глухим стуком водрузил на красное дерево потёртую кожаную рукопись.

– Миссия выполнена, – доложила Серафима без лишних эмоций. – Угроза нейтрализована. Хотя и не так, как планировалось.

Гавриил медленно перевёл взгляд с рукописи на Ганса. Его взгляд был тяжёлым, сканирующим.

– Субъект Ганс. Цикл покаяния официально завершён. Постановление о досрочном освобождении вступает в силу. Ты свободен. Твоя душа больше не обязана скитаться.

Эти слова не вызвали в Гансе ни эйфории, ни облегчения. Они прозвучали как констатация факта. Что такое «свобода», когда ты уже забыл, каково это – быть по-настоящему живым?

– А тот… мальчик? – спросил Ганс. – Аник?

– Его судьба отныне – его личное дело, – ответил Гавриил, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая, почти незаметная усталость. – Он стал уникальным случаем. Существом с искусственным телом и самостоятельно обретённой душой. За ним будет установлено… наблюдение. Но не вмешательство. – Он посмотрел на Серафиму. – По настоянию вашего ходатайства.

Серафима молча кивнула.

– Ну а я? – просиял Вельзевул. – Мне что-нибудь перепадёт? Премия? Медаль «За отвагу в борьбе с некромантией»?

– Твоё содействие зачтется при рассмотрении ходатайства о твоём переводе из отдела вечных искушений в отдел… менее стрессовый, – монотонно произнёс Гавриил. – Например, архив.

Лицо Вельзевула вытянулось.

– Архив? Но там же пыльно и скучно!

– Именно, – архангел с едва заметной ухмылкой вернулся к своим бумагам. – Аудиенция окончена.

Они вышли из кабинета тем же путём – через огромное окно, выходящее в бескрайнее небо. Но на этот раз они не полетели. Они просто спустились на лифте из хрусталя и света на одну из бесчисленных улиц проснувшегося города.

Утро было по-настоящему ясным. Солнечные лучи золотили мокрый после ночного дождя асфальт. Люди спешили на работу, грели руки о стаканчики с кофе, смеялись. Мир жил своей обычной, шумной, суетливой жизнью.

Ганс стоял и смотрел на этот поток, чувствуя себя пришельцем с другой планеты.

– Что будешь делать? – спросила Серафима, стоя рядом.

– Не знаю, – честно ответил Ганс. – Умел только страдать. А теперь… не знаю.

– Научишься, – она коснулась его руки, и на мгновение ему показалось, что по коже пробежало тепло. – У тебя впереди вечность. Или, по крайней мере, очень долгая жизнь. Можно начать с малого. С чашки кофе, например.

Она указала на знакомую вывеску – кафе «У последней черты». Из трубы над крышей вился дымок, пахло свежей выпечкой.

Вельзевул, тяжело дыша, поравнялся с ними.

– Ну, раз уж я теперь чуть ли не герой и будущий архивариус, я вас угощу! У Кая как раз должно быть в запасе парочка пирожков с ливером. Или с чертовски острой адской аджикой!

Он толкнул дверь, и внутрь хлынул звук утреннего джаза и запах кофе.

Ганс на пороге замедлился. Он оглянулся на улицу, на солнечный свет, на людей. Он больше не был проклят. Он не был призраком. Он был просто человеком. Очень уставшим и очень старым душой. Но человеком.

– Идём, – сказала Серафима, и в её голосе слышалась не повелительность, а приглашение.

Ганс сделал шаг вперёд. Внутри было шумно, уютно и пахло жизнью. Не идеальной, не очищенной от боли, но настоящей. И для начала этого было достаточно.

Он переступил порог, оставив за спиной город, который когда-то сожрал его. Теперь ему предстояло научиться в нём жить.

Часть 2: Возвращение в себя

Глава 1. Кофе и чёрт

Свобода, как выяснилось, пахла не только солнечным светом и свежим кофе. Она отдавала ещё и стойким ароматом жареного лука, дешёвого табака и старого, не мытого годами дерева. Кафе «У последней черты» – а в народе попросту «Погибшая душа» – было тем самым местом, где заканчивались все пути и начинались… другие пути. Обычно ведущие в никуда.

Для Ганса оно стало странным подобием дома. Не потому, что было уютным. А потому, что было единственной константой в мире, который он разучился понимать.

У стойки, полируя до блеска старый бокал, стоял его хозяин – Кай, бармен-оборотень с лицом, на котором шрамы рассказывали истории покруче иных книг. Его волчья сущность угадывалась в плавности движений и в чуть желтоватом свечении глаз в полумраке.

– Смотри-ка, живой, – хриплым басом проворчал Кай, увидев Ганса. – Думал, твоя «свобода» заключается в том, чтобы больше не маячить у меня под боком. Кофе?

– Да, – Ганс опустился на табурет, чувствуя, как тяжесть веков давит на плечи с новой силой. Освобождение от проклятия не отменило привычки к бодрящему яду.

– Смотри-ка, опять ты, – раздался новый, знакомо-циничный голос. Из-за угла, с томиком Кафки в руках, появился Вельзевул. Черт-циник был облачён в подозрительно модный пиджак, но его рога всё так же неловко растопыривались, цепляясь за абажур. – Уже неделю как свободен, а вид, прости господи, как у грешника на исповеди после пятницы. Не научился ещё отдыхать?

– Отдых – это когда не нужно никого спасать по ночам? – уточнил Ганс, делая глоток горького кофе.

– Отдых – это когда ты можешь позволить себе полную, тотальную, прекрасную безответственность, – поправил его Вельзевул, заказывая себе виски. – А ты, я смотрю, опять в тоске увяз. Как будто Пожиратель вернулся и сел тебе на шею.

Дверь в кафе со скрипом открылась, впустив порцию холодного воздуха и Серафиму. Она сбросила с плеч лёгкий плащ, под которым угадывался привычный тёмный наряд. Её появление всегда было тихим, но заметным – как падение звезды на безлюдном поле.

– Разливайте по рюмкам ностальгию, – объявил Вельзевул. – Наше привидение с миссией вернулось.

– Вельзевул, твой язык острее, чем полагается даже черту, – парировала Серафима, садясь рядом с Гансом. Её взгляд скользнул по его лицу, считывая больше, чем он был готов показать. – Все хорошо?

– Отлично, – буркнул Ганс. – Просто не знаю, что делать с утрами, которые не сменяются кошмаром.

– Наслаждайся, – посоветовал Вельзевул. – Скушай блинчик. Посмотри сериал. Заведи кота. Хотя коты, между прочим, создания эгоистичные и крайне неблагодарные. Говорю, как специалист по сущностям.

Внезапно Кай, молча наблюдавший за ними, нахмурился. Его звериные ноздри дрогнули, вдыхая воздух.

– Чувствую, пахнет скверной, – тихо произнёс он. – Не городской. Другой. Старой.

Все замолкли. Ганс инстинктивно выпрямился, по телу пробежала знакомая дрожь – мышечная память, оставшаяся от веков борьбы.

– Что? Опять? – вздохнул Вельзевул, с тоской глядя на недопитый виски. – Я всего одну неделю как в отпуске! Неужели в этом городе больше некому заниматься ерундой?

Серафима не отрывала взгляда от Ганса.

– Проклятие закончилось. Но город – нет. И его обитатели – тоже. Ты больше не обязан сражаться, Ганс.

– Я знаю, – ответил он. И это была правда. Он не был обязан.

Но когда из полумрака закутка кафе послышался тихий, прерывистый шёпот, и по стене поползла тень, не отбрасываемая ни одним предметом, его рука сама потянулась к пустому месту у пояса, где веками висел меч.

Он был свободен. Но город, похоже, не был свободен от него.

Глава 2. Протокол о намерениях

Тень на стене не набрасывалась. Она колыхалась, как полог старой шторы, и шёпот, исходивший из неё, был похож на звук перетираемых друг о друга сухих листьев.

– Гансссс… По-прежнему-бодрсствуешь… – прошипела тень.

Вельзевул тяжело вздохнул и отхлебнул виски.

– Ну вот, знакомые. И как они тебя находят? Я что, должен каждый раз рассылать оповещения по астральной почте? «Дорогие твари, Ганс сменил прописку, более не является движимым имуществом Проклятия, все вопросы к нему лично»?

– Заткнись, – беззлобно бросил Кай, не отрывая взгляда от тени. Его руки были расслаблены, но Ганс знал – под стойкой лежит увесистое дубище из корня ясеня, которое Кай ласково называл «Убедитель».

Серафима встала, её фигура оказалась между Гансом и тенью. Не защищая, а скорее… изучая.

– Что ты хочешь?

– Не-он… – проскрежетал шёпот. – Не-он посылает привет… Старый-знакомый… Говорит-ты-должен-помнить… Последнюю-ночь-перед-вечным-сно-ом.

Ганс нахмурился. В его памяти, этом огромном, запылённом архиве, ничего не шевельнулось.

– Я много чего не помню. Назови имя.

Тень заколебалась сильнее, её очертания поплыли.

– Имя-стерлось… Но-боль-осталась… Он-идет-за-своим… Говорит-ты-одолжил… Навечность… А-вечность-кончилась…

– Одолжил? – Вельзевул поднял бровь. – Что ты мог одолжить, Ганс? У тебя веками не было ни гроша за душой. Если только… – его лицо внезапно стало серьёзным. – Неужели?

– Что? – спросил Ганс.

– Серьёзно, Ганс? – Вельзевул смотрел на него с неподдельным изумлением. – «Вечный сон»? Тебе это ничего не напоминает? Гигантский бордель с призрачными девами на Краю Сна? Ты же там… э… «проводил переговоры» с его хозяйкой, мадам Цицеей? И вроде бы даже что-то у неё просил?

Память Ганса отозвалась тупым, далёким уколом. Образ пышноволосой женщины в дымке, запах сонных трав, ощущение нереальности…

– Я… просил забытье. На одну ночь.

– Именно! – щёлкнул пальцами Вельзевул. – А в залог, поскольку душа твоя была уже в залоге у Проклятия, ты оставил… свою самую яркую, самую светлую память. Ту, что грела тебя в самые тёмные ночи. Похоже, мадам Цицея решила, что твой «вечный сон» наступил, и пора забирать свой долг навсегда. Но зачем-то посылает гонцов, вместо того чтобы явиться самой.

– Он-заберет-свое… – подтвердил шёпоток. – Он-уже-близко… С-ним-его-новые-дети… Дети-тишины…

С этими словами тень начала быстро блекнуть, словно её впитывала сама штукатурка.

– Стой! – резко сказал Ганс. – Какие дети? Что за «дети тишины»?

Но тень растаяла, оставив на стене лишь влажное пятно, медленно стекающее на пол. Шёпот оборвался.

В баре наступила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине.

– Новые дети, – мрачно прошептала Серафима. – Он не просто хочет вернуть долг. Он создаёт нечто новое. И это «нечто» уже здесь.

Внезапно Вельзевул фыркнул.

– «Дети тишины». Звучит как название второсортной готической рок-группы. Надеюсь, они хоть на гитарах играть умеют. А то слушать очередные душераздирающие вопли скучно.

Кай налил Гансу ещё кофе, на этот раз крепче.

– Забудь. Память – она как старый друг. Иногда предаёт. Иногда забывает. А иногда… иногда её лучше не тревожить.

Ганс смотрел на влажное пятно на полу. Он не помнил, что оставил в залог. Какую именно память. Но теперь, когда ему о ней напомнили, он почувствовал в своей душе новую, странную пустоту. Не ту, обширную, что осталась после Пожирателя. А маленькую, острую, как укол булавкой. И понимание, что за этой пустотой кто-то охотится, было куда неприятнее, чем любая открытая битва.

Он был свободен от прошлого. Но похоже, прошлое не было свободно от него. И оно выставило счёт. С процентами.

Глава 3. Танец с русалами

Влажное пятно на полу «Погибшей души» высохло, но оставило после себя невыносимую, звенящую тишину. Не внешнюю – в баре по-прежнему текли свои уютно-грязные звуки, – а внутреннюю. Та самая, острая пустота в душе Ганса теперь ныла, как незатянутая рана. Охота началась.

– «Дети тишины», – цинично растянул слова Вельзевул, разглядывая карту города, разложенную на столике из-под бочек. – Если я что-то и знаю о детях, так это то, что они шумные, пахучие и требуют постоянных вложений. Тишина – это дорогое удовольствие. Где бы её добыть в промышленных масштабах?

– В местах, где звук умер, – тихо сказала Серафима. Она стояла у окна, глядя на тёмный канал, в который упиралась узкая улочка. – На дне. В заброшенных колодцах. В сердцах, которые перестали чувствовать.

– Лера, – внезапно произнёс Ганс. Все посмотрели на него. – Нимфа. Она знала все про долги и тёмные сделки. И про мадам Цицею. Где она сейчас?

Кай, полируя бокал, мотнул головой в сторону канала.

– Слышал, её видели у Старых Доков. Говорят, она «утешает» новых моряков. Тех, что понежнее. И повеселее тех призраков, с которыми имела дело раньше.

Старые Доки были не местом, а состоянием. Состоянием гниения, забвения и тоски. Воздух здесь был густым, как бульон, сваренный из тумана, болотного газа и отчаяния. Полусгнившие баржи, словно скелеты доисторических чудовищ, чернели на поверхности чёрной, маслянистой воды.

Именно здесь их и ждали.

Сначала послышалось пение. Не томное и завлекающее, как у морских дев, а хриплое, горловое, полное какой-то дикой, нечеловеческой ярости. Оно не соблазняло. Оно ошеломляло, как удар дубиной по голове.

Из воды, одна за другой, стали подниматься фигуры. Это и были русалы. Но никаких девичьих хвостов и ракушек в волосах. Сухощавые, мускулистые торсы, покрытые зеленоватой, чешуйчатой кожей. Нижняя часть тела больше напоминала конечности гигантских лягушек. Их лица были искажены вечной злобой, а рты, полные острых, мелких зубов, были растянуты в беззвучном крике, из которого и лилась эта леденящая душу песня.

– О, великий Сапковский! – воскликнул Вельзевул, доставая из-за пазухи маленький, изящный арбалет. – Ты был прав! Они действительно отвратительны! И пахнут… пахнут тухлой рыбой и мужским потом!

– Они питаются звуком, – крикнула Серафима, закрывая уши ладонями. Её лицо побелело от боли. – Их песня высасывает из воздуха все вибрации, создаёт вакуум тишины!

Ганс почувствовал это на себе. Песня обрушилась на него не просто звуком, а физическим давлением. Она вдавливала его в гнилые доски причала, выжимала из лёгких воздух. Но что было хуже – она лезла в голову. В ту самую, свежую пустоту. И начинала её заполнять. Не воспоминаниями, а их отсутствием. Полным, абсолютным безмолвием души.

Один из русалов, крупнее других, выпрыгнул на причал. Его перепончатые лапы с когтями бесшумно впились в дерево. Он не шёл, а плыл по воздуху, как пловец в плотной воде, его песня была направлена прямо на Ганса.

И тут Ганс понял. Он не мог сражаться с ними, как раньше. У него не было меча. Не было проклятия, дававшего силу. Но у него было кое-что другое.

Он перестал сопротивляться давлению. Позволил тишине войти в себя. Погрузился в ту пустоту, что оставил в залоге. И тогда он… вспомнил. Не память, а её отголосок. Эхо.

Он открыл рот. И издал звук. Не крик. Не песню. А рык. Низкий, гортанный, дикий. Звук чистой, животной ярости, которую он копил века. Звук, который не пытался противостоять тишине, а рвал её изнутри, как ткань.

Эффект был мгновенным. Русал на причале замер, его песня оборвалась с хрипом. Его сородичи в воде замолчали, словно подавились. Их ритуал был нарушен. Они пожирали тишину, но этот первобытный шум был для них ядом.

– Браво! – проревел Вельзевул, выпуская арбалетную стрелу в ближайшего тваря. – Вокальный апперкот! Я и не знал, что ты владеешь экстремальным вокалом!

Серафима, воспользовавшись замешательством, метнула серебряный кинжал. Он вонзился в горло ведущего русала. Существо не закричало. Оно с шипением схлопнулось, как пузырь, оставив после себя лишь зловонную лужу.

Бой был коротким и жестоким. Ошеломлённые русалы отступили в тёмные воды.

Ганс стоял, тяжело дыша. Его горло болело. Но в душе было шумно. Шумно от его собственного, живого, пусть и уродливого, голоса.

Из тени под аркой разрушенного склада вышла Лера. Нимфа-искусительница выглядела по-прежнему ослепительно, но в её глазах читалась усталость.

– Привет, мальчики, – хрипло сказала она, закуривая тонкую сигарету. – Хорошо порезвились. Цицея прислала тебе послание, Ганс. Она говорит: «Мой долг – моя плоть». Она не просто хочет вернуть память. Она хочет вплести её в свою новую «семью». В этих… «детей». Она создаёт из тишины нечто новое. И твоя память – последний ингредиент.

Ганс смотрел на темную воду. Он снова был втянут в игру, но на этот раз он был не пешкой, а игроком. И его оружием было не проклятие, а его собственная, выстраданная боль.

– Хорошо, – тихо сказал он. – Найдём эту мадам. И я лично объясню ей, почему некоторые долги лучше списать.

Глава 4. Бывшие искусительницы не сдаются в архив

Лера повела их через лабиринт затхлых улочек, где стены домов почти смыкались над головой, отрезая последние лучи угасающего дня. Она двигалась с привычной грацией хищницы, но в её движениях читалась натянутость – будто невидимые нити, за которые её дёргали, стали туже.

– Цицея всегда была… жадной, – бросила она через плечо, не оборачиваясь. Её голос терялся в капели с ржавых карнизов. – Она коллекционировала не просто долги. Она коллекционировал вкусы. Оттенки забвения. А твоя память, Ганс… Говорят, она была особенной. Яркой. Как вспышка молнии в кромешной тьме. Такой ингредиент может придать её новым «чадам» не просто жизнь, а… изысканность.

– «Изысканность»? – фыркнул Вельзевул, с трудом пробираясь за ней в своём модном пиджаке. – Эти вонючие русалы были «изысканны»? Пахли, как рыбный рынок в августе! Я до сих пор этот аромат в носоглотке чувствую!

– Русалы – это просто инструменты, – отмахнулась Лера. – Мусорщики. Они подчищают звуковое поле, создавая тишину – питательную среду. Её настоящие «дети» должны родиться в идеальной акустической пустоте. А для этого… – она резко остановилась у глухой каменной стены, поросшей мхом, и повернулась к Гансу. – Для этого ей нужно твоё молчание, Ганс. Полное. И добровольное.

– Добровольное? – переспросила Серафима. Её взгляд был холодным и недоверчивым. – Зачем ей его добровольный отказ от памяти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.